

Май 1861

Американские дела. — Положение дел в Италии и Венгрии.

Скудны источники наших сведений об американских делах; мы должны ограничиваться европейскими газетами, в которых американские события занимают, разумеется, лишь второстепенное место. Из американских газет мы можем хотя несколько своевременно, всего неделями двумя или тремя позже, чем следовало бы по расчету почтовых сроков, получать одну «New York Herald», да и ту лишь в еженедельном издании *, которое в один лист за целую неделю сбивает все нумера ежедневного издания за целую неделю, так что в этой выжимке остается не очень много толку. Оно, впрочем, было бы еще сносно получать хотя только еженедельное издание ежедневной газеты, если бы газета была сколько-нибудь приличная; но на беду единственная американская газета, получаемая нами, — самая пошлая из всех 5 или 6 тысяч американских газет. Она теперь проклинает «изменников и бунтовщиков», требуя примерного наказания, пожалуй, хотя колесованием или содранием шкур с живых. А не дальше как за месяц перед тем она точно так же проклинала новое вашингтонское правительство, требовала, чтобы Линкольн отказался от должности, уступил власть предводителям сепаратистов, которые совершенно правы и одни достойны называться американскими гражданами. Она имеет даже наглость — винить Линкольна, зачем он только 15 апреля издал прокламацию о войне, — это следовало бы ему сделать в самый же первый день вступления в должность, 4 марта: она утверждает, что тогда же, в первых числах марта, — советовала ему сделать это, а прежде

* Читатель знает, что английские и американские ежедневные газеты делают, кроме этого полного своего издания, еще два издания в сокращении: одно из сокращенных изданий — двухдневное; тут из двух листов ежедневного издания делается выборка на один лист такого же формата, как номер ежедневного издания; из трех таких листов двухдневного издания делается таким же порядком выборка на один такой же лист еженедельного издания.

того с самого декабря требовала немедленной и беспощадной войны против бунтовщиков от прежнего президента Буханана: «Буханан не хотел следовать нашему совету; Линкольн также долго сопротивлялся ему, наконец следует теперь, и — прекрасно; полная честь правительству Линкольна за это!» На президентских выборах она отвергала даже Дугласа, кандидата северных демократов¹, называла и его таким же врагом родины, как Линкольна, за то, что Дуглас и его партия не согласились помогать заговорщикам, приготавливавшим отторжение южных штатов, собиравшим там армию для завоевания северных штатов с целью распространить в них невольничество; она самым восторженным образом поддерживала Брекенриджа, кандидата этих заговорщиков², выставляя его единственным, несравненным патриотом и доказывая, что не только Линкольн, но и Дуглас — революционеры, стремящиеся убить свободу Соединенных Штатов и ввести военный деспотизм. Это говорено было ежедневно вплоть до 6 ноября, а с 6 ноября вплоть до 13 апреля доказывалось, что, отдав свои голоса Линкольну, северные штаты доказали нравственную испорченность свою, неспособность свою к самоуправлению и тем возложили на невольнические штаты священную обязанность завоевать их, северные штаты, чтобы перевоспитать и исправить их своим господством, как Англия просвещает и перевоспитывает Ост-Индию. Это было вплоть до 13 апреля. С 14 апреля в той же газете говорится: «перечитывая речи Брекенриджа и его сотоварищей в прошлом заседания конгресса и в прежних заседаниях за несколько лет, мы находим в самых этих речах явные доказательства тому, что они уже несколько лет составляли злодейский замысел, который с весны прошлого года обратился в формальный заговор для порабощения всего Американского Союза военному деспотизму, — заговор, действовавший подкупом, похищением государственных денег, не отвращавшийся ни от яда, ни от адских машин», и т. д. Отчего произошла такая перемена с «New York Herald'ом», мы увидим ниже. А здесь мы выставляли ее лишь с намерением показать, что на подобную газету полагаться никак нельзя. Если б мы вместо нее получали хотя какую-нибудь чарльстонскую газету в духе крайних приверженцев невольничества, мы все-таки могли бы довольно многим пользоваться из нее: мы знали бы, что хотя о некоторых предметах она сообщает верные известия, потому что какими-нибудь мнениями дорожит, успеху каких-нибудь намерений действительно сочувствует, стало быть — должна же говорить основательно, — например, хотя бы о вооружениях Юга: она желает победы Югу, следовательно, стала бы правдиво выставлять, в чем эти вооружения должны быть усовершенствованы или пополнены, и из этих замечаний можно было бы видеть положение военной части у инсургентов. «New York Herald» не таков; это — чистая спекуляция, основанная на биржевых расче-

тах, вроде газет, которые издавал Мирес³: у него все говорилось только по расчету предпринимаемых им операций; ныне он хочет купить биржевые бумаги по дешевой цене, чтобы через две недели взять премию за них при возвышении цены; потому ныне его газеты доказывают, что война Англии с Францией неизбежна и начнется на-днях, а через две недели доказывают, что никогда никакой возможности подобной войны не существовало и не будет существовать. Расчет, по которому издается «New York Herald», несколько иной: он просто старается льстить нью-йоркской бирже, чтобы нью-йоркские негоцианты рекомендовали его своим конторщикам и шкиперам, а конторщики и шкиперы — ломовым извозчикам, матросам и т. д. Если бы нью-йоркская биржа почла выгодным для своих оборотов ссору Америки с Англией, «New York Herald» стал бы доказывать, что жители Англии — не англичане, что англичане все переселились в Америку, а в Англии остались только люди не англо-саксонского племени: жидаы, цыгане, беглые французы. Нью-йоркская биржа долго думала, что северные штаты могут быть склонены смириться перед южными; пока она хотела этим путем избежать войны, «New York Herald» провозглашает справедливость Юга. Но когда война оказалась неизбежной, биржа поняла, что надобно Северу вести ее энергически, чтобы она скорее кончилась и чтобы у Юга навсегда была отбита охота заводить смуты; тогда и «New York Herald» стал доказывать необходимость энергического ведения войны. По обыкновению льстецов, он и в том и в другом случае доводил до крайности мнение своей покровительницы: пока биржа советовала уступать, он кричал: уступайте, безусловно, все; когда биржа стала говорить: усмиряйте Юг скорее, — он стал кричать: беспощадно истребляйте мятежников.

Единственная получаемая нами американская газета никуда не годится, брать из нее мы ничего не можем, потому что ни на одно слово ее нельзя положиться, и, стало быть, должны заимствовать сведения о текущих американских делах только из европейских газет, слишком скудных по этой части. Нечего делать, удовольствуемся тем, что можем иметь, и переведем нью-йоркскую корреспонденцию «Times'a», которая дельнее и подробнее всех других знакомит нас с северо-американскими событиями. И она сильно изменила тон с половины апреля: до той поры корреспондент не верил в единодушие Севера и откровенно признается, что оно изумило его. Он смотрел на высшие классы, видел их колеблющимися, порицающими аболиционистов, ждал апатии, раздоров; но когда пришла пора правительству обратиться к массе народа, оно получило такую патриотическую поддержку, что и высшие классы были увлечены общим стремлением. В предисловии к переводимым письмам сделаем самый короткий очерк предшествующего этим письмам времени, о котором более или менее подробно рассказывали в прошлых обозрениях.

Читатель знает, что правительство Буханана участвовало в замысле инсургентов и передавало им оружие и деньги, так что Линкольн нашел казну пустой, северные арсеналы пустыми, южные арсеналы отданными в руки инсургентов. Надобно было ему около месяца, чтобы приготовиться к войне против южной конфедерации, которая уже собрала армию и часть ее двинула на Вашингтон. Когда несколько оружия и денег было заготовлено, вашингтонское правительство объявило находившимся в Вашингтоне уполномоченным южной конфедерации, что дает инсургентам три недели срока одуматься и смириться, а если в этот срок они не изъявят покорности, будут двинуты войска для возвращения Союзу собственности, захваченной ими: форты и арсеналы, взятые ими, будут отняты у них. Это было 11 апреля. Комиссары Юга тотчас же отправили в столицу новой конфедерации Монтгомери телеграфические депеши такого содержания: «начинайте военные действия, потому что всякая надежда на уступки Севера исчезла». На другой день южные войска уже бомбардировали форт Сёмтер, о котором так много говорилось в последнее время. Осада эта замечательна лишь странным обстоятельством, что ни один человек из гарнизона не был убит бесчисленными бомбами, разрушившими все постройки в форте. Американцы объясняют это превосходным устройством блиндажей и прикритий для прислуги, находившейся при орудиях. В южном войске также никто не был убит выстрелами из форта, но это понятнее: командир форта Андерсон направлял выстрелы исключительно на батареи, не желая стрелять ни по войскам, ни по Чарльстону, половину которого мог бы разрушить; да и в батарее он стрелял очень мало и с осторожностью, чтобы не делать напрасного кровопролития. Он видел, что сопротивление невозможно, и защищался только для формы. После 30-часового бомбардирования форт сдался. Депеши об этом произвели на Севере потрясающее действие, народ повсюду требовал быстрых и сильных мер против инсургентов. Правительство Союза тотчас же объявило, что призывает народ к вооружению, и через два дня, которые прошли в составлении планов похода, расчислении войск и т. д., издана была прокламация президента, требовавшая формирования 75-тысячной армии. Помещаем теперь корреспонденцию «Times'a»:

«Нью-Йорк, 16 апреля.

Жребий брошен, и теперь в Америке война. Посылаю Вам газеты с подробными рассказами о бомбардировании и падении форта Сёмтера. Штаты Мехиканского залива без причины возмутились, и теперь должны отвечать за свой поступок: штаты, оставшиеся верными Союзу, единодушны теперь в решимости поддержать правительство и во что бы то ни стало, не щадя никаких жертв, подавить злую измену, которая, не будучи ничем обижена, захотела низвергнуть свободное правительство и заместить его военным деспотизмом под властью безответственной олигархии. Борьба будет продолжительна или коротка, смотря потому, присоединятся ли

к Югу или останутся верны правительству пограничные штаты, но продолжительна ли или коротка будет она, результат будет иметь она один, если есть хоть сколько-нибудь истины в проявлениях чувства, происходящих в северных штатах. Пусть не обманывают себя в Европе ни относительно этого результата, ни относительно характера борьбы. Черта, разделяющая противников, — черта ясная. На одной стороне стоят приверженцы свободного правительства, люди, хотящие сохранить свободные учреждения, отвращающиеся военного деспотизма, верные благородным принципам англосаксонской свободы, возвеличившим Англию, а на другой стороне люди, предпочитающие военное правительство и считающие рабство божественным учреждением, которому правительство должно покровительствовать во вред всем другим отраслям общественной деятельности. В этой борьбе я на стороне правительства Соединенных Штатов — говорю это прямо. Рассказывать вам о взятии Сёмтера я не буду — подробности вы узнаете по телеграфу раньше моего письма. Прокламацию президента я прилагаю к письму, и затем лучше всего мне приложить к нему вырезки из нью-йоркских газет разных партий, чтобы видели вы, с каким единодушием все они поддерживают правительство. Ждали, что в минуту борьбы будут раздоры и анархия; все раздоры исчезли, и теперь у всех один девиз: «защищать конституцию».

Начинаю с «New York Herald'a», как с газеты, которая до сих пор считалась благоприятствовавшей сецессионистам.

«Видя, что вспыхнула, наконец, междоусобная война, торговый свет начал заботиться о будущности страны (говорит «New York Herald»). Сколько мы знаем, все наши капиталисты совершенно согласны в том, что надо поддержать правительство. Каждый скорбит о страшном бедствии, постигнувшем республику. Но не думают нью-йоркские купцы и капиталисты заминать дело или уклоняться от ответственности за него. В доставлении средств к войне главная доля упадет на Нью-Йорк: наше биржевое общество принимает эту обязанность и исполнит ее. Это — решимость всеобщая между нашими капиталистами, в числе их и теми, которые до сих пор симпатизировали Югу. Если правительство станет исполнять свой долг, ему не нужно беспокоиться о деньгах. По мнению наших главных банкиров, если на издержки войны в течение года понадобится 100 миллионов долларов сверх обыкновенных доходов правительства, сумма эта дана будет нью-йоркской биржей на условиях, никак не обременительнее тех, на каких Франция и Англия делали займы в русскую войну. Если для окончания войны и для прекращения раздора навеки понадобится больше денег, будет дано больше. Сколько мы знаем нью-йоркскую биржу, она готова усердно и щедро поддерживать правительство».

После этого корреспондент «Times'a» приводит выписки из других газет умеренной демократической и умеренной республиканской партий. Мы не имеем надобности повторять их здесь, выписав отрывок «Herald'a», еще недавно с ожесточением доказывавшей полную справедливость сецессионистов. Корреспондент «Times'a» продолжает:

«Ответ народа на призыв президента еще выразительней. Массачусетс уже выставил свою долю войска, оно уже идет в Вашингтон».

Вспомним, что это писано 16 апреля, а прокламация была издана 15; значит, Массачусетс уже двинул свои войска в поход через 24 часа по обнародовании прокламации, предписывавшей формировку их.

«В городе Нью-Йорке споры между милиционерами лишь из-за того, что в поход хотят идти гораздо больше людей, чем призывается. С запада известия

те же самые: повсюду являются волонтеры. Повсюду народ горячностью отвечает на призыв, и если бы президент вместо 75 тысяч войск потребовал 500 тысяч, я убежден, что собралось бы столько.

Но, с другой стороны, надобно думать, что точно так же дело идет и на Юге, у которого, впрочем, меньше денег на организацию и содержание войска.

Бесполезны были бы попытки угадать будущее. Самый разумный и осмысленный расчет обуславливается событиями и обстоятельствами, могущими в один миг разрушить его. Но мнение биржи выразилось очень ясно. Фонды союзного правительства держатся в цене очень крепко. Так же хорошо держатся в цене фонды северных штатов, а фонды Виргинии, Теннесси и Миссури, еще так недавно бывшие любимыми бумагами биржи, чрезвычайно упали, потому что эти штаты колеблются между Союзом и сепаратистами».

«Нью-Йорк, 19 апреля.

Ныне ровно 86 лет тому, как сделан был первый выстрел войны за американскую независимость при Лексингтоне, в Массачусетсе, на рассвете знойного дня⁴. В годовщину этого дня телеграф ныне сообщает нам о первой крови, — и по странному совпадению также о массачусетской крови, пролитой в новой войне, начатой людьми, хотящими уничтожить все, полученное войной за независимость. Вот и началась фактически великая междоусобная война, в возможность которой никто не верил: пролита кровь, воспламенилась вражда. Виргиния отложила или скоро отложится, ведя за собою пограничные невольнические штаты; Кентукки, Теннесси, Арканзас и Северная Каролина, по всей вероятности, последуют за Виргинией; Мериленд колеблется. Все обещает теперь войну между американским правительством и всею массою невольнических штатов, взявшихся за оружие, чтобы распространить рабство и уничтожить конституционное правление.

Лишь неделя прошла ныне с той поры, как генерал Борегар начал нападение на форт Сёмтер. В одну неделю форт Сёмтер сдался, гарнизон его перевезен в Нью-Йорк, самое существование его забыто в быстром ходе событий. Ничтожный спор чарльстонской пристани разросся в великую междоусобную войну. Взятие форта произвело на Нью-Йорк действие неожиданное и потрясающее. Признаюсь, я не был приготовлен к нему: зная, как робки предводители северных партий, — я говорю, разумеется, о политической, а не о личной робости, — я не думал, что народное сердце бьется такою любовью к национальному правительству. Но сильна в нем эта любовь, и результат изумил всех.

Прокламация Линкольна, провозглашавшая войну и призывавшая верные штаты прислать войска на защиту правительства, пробудила национальную гордость и патриотизм во всех северных штатах и с такою же быстротою оттолкнула пограничные невольничьи штаты к инсургентам. С той минуты всякое разногласие между партиями в северных штатах исчезло, и вообще негодование на инсургентов стало так сильно, что опасно сделалось кому-нибудь обнаруживать симпатию к Югу. Это чувство уже обнаруживалось в Нью-Йорке, когда я посылал к вам прошлое письмо. Но на другой день по его отправлении оно уже произвело восторженную манифестацию. 17 апреля прибыли в Нью-Йорк первые войска с востока на пути в Вашингтон, и объявлено было, что из нью-йоркских полков первый пойдет на защиту столицы наш 7-й полк, гордость Нью-Йорка, полк, в котором рядовые солдаты — сыновья первых негодников, знаменитых юристов, лучших государственных людей. Был светлый апрельский день, один из тех дней светлой американской атмосферы, которые остаются памятны каждому бывавшему в Америке. Весь город покрыли флаги, усеянные звездами. Они развевались с домов. Фестонами перепоясывали они улицы; ими убраны были все корабли на пристани; ими убраны были все омнибусы и частные экипажи. Кто не видал этого, тот не может вообразить себе, как быстро и энергично выказалась любовь народа к националь-

ному знамени. Едва отплыл массачусетский полк, как узнали, что подходит к берегу «Baltic» с гарнизоном форта Сёмтера и майором Андерсоном. Пристань в минуту наполнилась народом, и сцена встречи была восторженная.

А ныне у нас была сцена энтузиазма, какого я никогда не видывал. В 6 часов вечера отплявал в Вашингтон 7-й полк. Было объявлено, что он выйдет из своего сборного места в 4 часа и пойдет на пристань по Brodway *. В 12 часу мы получили из Бальтимора депеши, что там идет стычка, что массачусетские войска, отплывшие отсюда вчера, подверглись нападению при проходе через Бальтимор и пробиваются к станции вашингтонской железной дороги. Теперь оказывается, что нападение на них не имело такой организации, как мы сначала полагали; но все-таки они были принуждены стрелять, чтобы защититься. Можете вообразить, как отозвалось это известие в душе отцов, матерей, сестер, братьев и друзей, прощавшихся с близкими родственниками, отправлявшимися через тот же враждебный город. Можете вообразить, какое чувство овладело всеми. Я стоял у окна в Metropolitan Hotel на Brodway, откуда на целые две мили видны улицы, по которым должен был проходить 7-й полк. Задолго до его появления вся Brodway наполнилась толпой, — тут были одни только мужчины. Женщины стояли в окнах и на кровлях. Рядом со мною у окна стояла вдова, единственный сын которой пошел в рядовые в 7-й полк. Она не могла не плакать, но все-таки благославляла его за то, что он идет в поход. Когда полк еще не показывался, я не понимал, как он пройдет по улице через эту сплошную массу. Но масса расступалась перед полком с восторженными криками и снова смыкалась позади его. Не могу описать вам сцены, какую видел я, когда он поровнялся с домом, где я был. Такого энтузиазма я никогда не видывал.

Не думайте, что это минутное увлечение массы, не находящее себе ответа в богатом классе. Вчера был митинг нью-йоркских негодянтов. Он был восторжен и единодушен в решимости безусловно поддерживать правительство. Тут были люди всех политических партий, были люди, прежде сочувствовавшие Югу. Когда они предлагают деньги, когда требуют от правительства войны, то можете быть уверены, что они не шутят. Вот решения, принятые этим митингом:

«Нью-Йоркские негодяны с живым удовольствием узнали решимость президента всеми средствами защищать правительственную власть и закон. Забывая прежние разногласия политических мнений, они единодушно обещаются всеми силами своими поддерживать кредит правительства и помогать его финансовым операциям. Они оплакивают возникновение междоусобной войны, в которую ввергнута страна безумием Юга, но убеждены, что и политическое благоразумие и человеколюбие одинаково требуют самых быстрых и энергических мер, потому они советуют правительству немедленно принять такой сильный и непреодолимый образ действий, чтобы навеки искоренена была измена. Экземпляры этих решений должны быть разосланы коммерческим палатам других городов с приглашением к содействию мерам, нужным для усиления правительственных средств. Настоящий митинг назначает комитет из (следуют имена) для пособия правительству по военным приготовлениям».

«Нью-Йорк, 24 апреля.

Прошрое письмо мое оканчивалось демонстрацией в честь 7-го полка, отпавшего в Вашингтон. Возвращаюсь к истории этого замечательного переворота в народных чувствах или, вернее сказать, этого взрыва подавлявшихся чувств. Ни на каком языке невозможно изобразить вполне это великое народное движение на защиту страны и ее учреждений, на избавление государства от внутренней анархии. Маколей описывал, как вооружа-

* Brodway — главная улица Нью-Йорка.

лась Англия, когда узнала о приближении Армады⁵, но как ни живо его описание, оно холодно и мертво сравнительно с пылающею, одушевляющею все сословия на Севере. И не думайте, что этот дух может охладиться неудачами или медленностью первых успехов: поверьте, не охладится. Если будут в Вашингтоне неудачи, которых и должно ждать, дух, теперь возбужденный, только усилится и укоренится ими, а что он преодолает, наконец, все, что достигнет он торжества, заслуживаемого его справедливостью, что Мериленд, Виргиния и все другие штаты, противящиеся правительству, будут неизбежно побеждены, — в этом никто здесь не сомневается. Но возвращаясь к рассказу. Он остановился у меня на 19 числе, когда мы только что узнали о нападении бальтиморской черни на массачусетские войска. С той поры прошло лишь четыре дня, а мы как будто прожили много лет. Нью-Йорк, не дальше как за неделю бывший мирным торговым городом, стал огромным лагерем, в котором каждый исполнен военной пылкости и энтузиазма; торговые дела совершенно остановились, прежние раздоры прекратились; все теперь готово на защиту Союза.

В субботу (20 апреля) мы узнали, что войска Новой Англии прибыли морем в форт Монро*, и теперь он достаточно защищен. Потерять этот важный пункт — значило бы потерять власть над Чизапикским заливом. Но массачусетский полк, исполнивший это дело, составляет лишь часть войск, уже высланных этим небольшим штатом**. Другой массачусетский полк уже проложил себе путь к Вашингтону через бальтиморскую чернь. Вслед за этими двумя полками двинуты из Массачусетса еще три, с быстротой, возбуждающею удивление и благородное соревнование в других штатах. В одном из этих полков есть рота, составленная из жителей Мербельгеда, рыбаков. Они были в море на ловле, когда пришел в их город призыв к походу. Их известили по телеграфу, чтобы они вернулись, и к вечеру все сборы их были кончены, и они уже были на дороге в Нью-Йорк. Энергия отряда из Конкордии*** еще замечательнее. Люди эти были подняты с постелей извещением губернатора позже 12 часов ночи, а с первым утренним поездом они уже отправились. Если вспомнить, что все эти отряды — местная милиция, составленная преимущественно из людей рабочего класса, занятых постоянными мастерствами, и что она идет сражаться за родину не по соседству с своими домами, а за 500 миль, где теперь владычествует восстание, то можно будет хоть несколько вообразить себе, как глубока в этих людях патриотическая энергия. Впрочем, Массачусетс не удовлетворялся тем, что послал свою регулярную милицию. Он, кроме того, организовал и отправил другие вновь набранные отряды. Я видел один из них. Волонтеры, его составляющие, еще рекруты, но это с излишком вознаграждается превосходным их вооружением, умственным развитием и решимостью, так что отряд очень хорош. Командир их уверял меня, что все они набраны, вооружены, экипированы и перевезены в Нью-Йорк в трое суток. Отсюда они отправляются морем в Аннаполис. Некоторые другие штаты Новой Англии действуют с такой же быстротой. Маленький штат Род-Айленд, отправив превосходный отряд конной артиллерии, собрал и на свой счет отправил морем пехотный полк, составленный почти исключительно из людей состоятельных, занимающих видное положение в обществе, и командуемый лично самим губернатором. Пенсильвания деятельно собирает войска, но нет у нее запасов оружия, которых лишило ее предательство заговорщиков, управлявших при Буханане Соединенными Штатами. Запад также деятельно вооружается, но подробностей я еще не могу сообщить

* На южной половине виргинского берега, при входе в Чизапикский залив.

** Массачусетс имеет только 367 кв. миль; но его население простирается до 1 231 000 человек, то есть больше белого населения Виргинии, самого сильного из невольнических штатов: она имеет только 1 105 000 человек белого населения. Читатель знает, что в Массачусетсе лежит Бостон, главный город всей Новой Англии, которая имеет более 3 100 000 жителей и проникнута духом абolicционизма.

*** Конкордия — город того же Массачусетского штата.

вам, потому что здесь все внимание поглощено опасностью, угрожающей Вашингтону, и восторженными сценами в самом Нью-Йорке. Об этих сценах я постараюсь дать вам понятие, начиная свой рассказ с субботы (20 апреля). Накануне отправился из Нью-Йорка 7-й полк, а в этот день прибыл массачусетский полк и был быстро отправлен далее в Филадельфию, при криках восторженной толпы. Казалось, что в этот день были брошены каждым все его личные дела для общественных. Знамена, развешившиеся накануне с домов, размножились во сто раз к этому дню и развешивались почти из каждого окна. Почти у каждого мужчины был на груди значок из национальных цветов — красного, белого и синего. Почти у каждой дамы был убор также с этими цветами. Лавки и конторы опустели: на перекрестках и у газетных контор толпился народ, жадно расспрашивавший о последних известиях с Юга, потому что были слухи (к вечеру они подтвердились), что мосты по железным дорогам около Балтимора сожжены и Нью-Йорк отрезан от сообщений с Вашингтоном. К двум часам дня толпы стали сосредоточиваться к центру города, и к трем часам великопечная Brodway была так наполнена народом, что трудно было проехать экипажу. Огромный митинг на защиту Союза происходил в 3 часа на Союзной Площади. Я видел в Европе много громадных собраний народа: открытие всемирной выставки, ее закрытие, похороны герцога Вашингтона; торжество раздачи орлов войскам в Париже, но нигде я не видел такого огромного, такого одушевленного многолюдства и такого серьезного порядка, как в субботу на Союзной Площади. Тут было все население огромного Нью-Йорка, понимавшего важность событий и готового поддерживать Союз, которому он обязан своим величием. Патриотизм и энтузиазм массы победили ее предводителей, и у двоих из них, недели три тому назад бывших сецессионистами, вынудил сильные речи в пользу безотлагательной и энергической войны. Я стал на таком месте, что мне видна была вся великолепная площадь: она была вся набита людьми; тут было не меньше 150 тысяч человек. На площади находится статуя Вашингтона. В руку ей вложили истрелянное знамя, развешивавшееся над фортом Сёмтером; видя горячий, но вместе спокойный энтузиазм, одушевлявший всех, слыша крики, которыми отзывался народ на всякое обращение ораторов к этому знамени и при каждом требовании войны вылетал живой ответ из груди массы, я чувствовал, что и республиканцы и демократы ошибались в этом народе, что Юг действительно «обманут; горько, страшно обманут», по выражению одного из ораторов. Я видел новую надежду, новую будущность для Американского Союза; оживленный этим духом, он выйдет из своих нынешних опасностей, очистившись ими.

В разных местах огромной площади было поставлено несколько эстрад для ораторов; со всех эстрад и с нескольких импровизированных трибун в соседних улицах говорились речи.

В субботу вечером город волновался известиями с Юга. Коридоры больших нью-йоркских гостиниц были наполнены людьми, рассуждавшими о событиях дня, ждавшими известий, которые от времени до времени появлялись на доске телеграфических депеш (в большой нью-йоркской гостинице обыкновенно бывает телеграфическая контора).

Прекрасное, мягкое утро апрельского дня в воскресенье началось маршем массачусетского полка через город. Непохож был этот день на обыкновенные тихие нью-йоркские воскресенья: три полка города Нью-Йорка, массачусетский полк, род-айлендский полк должны были отплыть вечером в Аннаполис (в эту минуту они должны быть уже там). Один из них, 71-й нью-йоркский полк, соперничествует с 7-м полком совершенством дисциплины и тактического обучения. В другом, 12-м нью-йоркском полку, прежние рядовые превосходно обучены, но число новобранцев в нем больше, чем прежних милиционеров, и хотя эти рекруты вообще молодцы, крепкие люди, но им еще надобно учиться. Последнего из трех нью-йоркских полков — 6-го — я не видел. Энтузиазм простонародья был теперь еще силь-

нее, чем при отправлении 7-го полка. День был теплый, окна можно было отворить, не боясь холодного зимнего ветра. В два дня перед этим удивительно вырос урожай знамен, а в воскресенье — праздник, простолоудины были нарядны, и больше в толпе было женщин в платьях светлых цветов. Потому энтузиазм не имел грустного оттенка, с каким отчасти представлялся при демонстрации 19 апреля.

На следующий день (22 апреля, в понедельник) около 12 часов мы получили известия из Вашингтона. Курьер, который привез их, пробрался переодетым. По его словам, Вашингтон был вне опасности (позднейшие известия заставляют сомневаться в этом). Вечером был митинг нью-йоркских адвокатов и судей для формального выражения их сочувствия правительству. Какой энтузиазм, какую решимость ни видел я между простолоудинами на улицах, но адвокаты и судьи превзошли самих простолоудинов. Чтобы вы могли несколько понять, каковы чувства образованных сословий, я расскажу вам некоторые из эпизодов этого митинга, который будет историческим событием в ходе нынешнего кризиса. Главный судья верховного суда был приглашен занять председательское кресло. Он демократ, он в оппозиции правительству, но сын у него поступил рядовым в 7-й полк. Из семи вице-президентов митинга шестеро были люди, вотировавшие на президентских выборах против Линкольна; из 4 секретарей трое также вотировали тогда против Линкольна; вероятно, вотировали против него три четверти из числа всех присутствовавших. Но тем не менее они с восторженными аплодисментами приняли ряд решений, из которых я приведу лишь одно для образца:

«Мы будем исполнять за каждого судью или адвоката, служащего в армии или флоте Соединенных Штатов, обязанности и дела, ему порученные, с предоставлением ему всего дохода и без всяких трат для него». Митинг вотировал собрать сумму на пособие тем адвокатам, которые пойдут в волонтеры, и в несколько минут была собрана от присутствующих сумма более 5 000 ф. стерлингов. Один из известнейших нью-йоркских адвокатов, первый записывая в этом списке свое имя, что жертвует 500 долларов, сказал, что полгода тому назад умер у него старший сын, но оставалось еще двое и оба они отправились третьего дня в рядях 71-го полка. Многие другие, записывая свои пожертвования, говорили, что уже отправили своих сыновей на войну, — вы понимаете, отправили на войну не офицерами, а простыми рядовыми. Один сказал, что отправил своего племянника и своего приемного сына. Один из судей, служивший прежде офицером в милиции, сказал, что он отправляется сам и что должность его взялся исполнять его товарищ. Другой адвокат сказал, что он подписать пожертвования не может, потому что его сын и соучастник его фирмы уже отправились в поход и он обещал содержать их семейство. Слова эти произносились не в духе похвалы, — это были слова спокойных, твердых, мужественных людей, говоривших правду, от полноты сердца, и речи их глубоко действовали на всех слышавших. Когда такие люди посылают своих сыновей и племянников рядовыми сражаться за отечество и щедро дают деньги более бедным лицам своего звания в помощь при вооружении, то видишь, что они не шутят и что страна, граждане которой делают такие жертвы, может быть уверена в развязке дела, хотя бы в начале его и встретились неудачи по недостаточности приготовлений.

Вчера возобновились сцены, бывшие в воскресенье. Три нью-йоркские полка, № 8, 13 и 69, отплыли в Аннаполис: таким образом, менее, чем в одну неделю, отправилось из Нью-Йорка в Вашингтон более 10 000 человек. 8-й полк — один из лучших полков нью-йоркской милиции. 69-й полк составляют ирландцы, не хотевшие встречать принца Уэльского. Эту невежливость против прежнего своего знамени они загладили теперь преданностью новому. Явилось 6 500 человек волонтеров, желавших поступить в этот полк, который должен был иметь только 1 000 человек. Вся Broadway была усыпана ирландскими служанками, вышедшими проводить своих соотечественников, и восторженность их, как вы сами угадаете, была безгранична».

«27 апреля.

Последние трое суток прошли у нас довольно спокойно по сравнению с прежними днями. Тишина приготовления и работы заменила горячку первого волнения. Новых полков в эти дни не отправлялось. Вашингтон, бывший дня четыре отрезан от сообщения с Севером, теперь занят нью-йоркскими и массачусетскими полками, посланными отсюда 19, 20, 21 и 22 числа. Гарнизон форта Монро сильно подкреплен, и вход в Чизапикский залив оберегается. У правительства там столько военных судов, что инсургенты не могут показаться туда, а оградив от опасности Вашингтон и Чизапикский залив, мы имеем теперь время посмотретья, сообразить, сколько потеряно и сколько выиграно нами в первую неделю войны и каково положение воюющих сторон.

Президент призывает 75 000 человек войска. Ему будет дано больше. Около 10 000 войска уже послано в Вашингтон из Нью-Йорка; еще тысячи две человек были отправлены в Чизапикский залив прямо из Бостона морем. Сверх того были посланы войска из Пенсильвании, но сколько именно, я не умею сказать, потому что пенсильванские полки, вооружаясь, передвигались по разным арсеналам. Массачусетс пошлет еще новые войска. Он теперь посылает два полка. Народ отвечает на призыв президента с большим усердием, и волонтеры платят деньги за то, чтобы их приняли. Гнев на бальтиморцев чрезвычайно силен в Массачусетсе. Когда один из массачусетских полков проходил через Нью-Йорк, из толпы спросили одного рядового, куда они идут. «Сделать поиск о двух недостающих товарищах» *. Президент, кажется, проникнут тем же духом. Другие штаты Новой Англии не отстают от Массачусетса. Маленький Вермонт, в котором населения только 300 тысяч, назначил на войну 1 000 долларов и уже выслал полк, а другой маленький штат, Род-Айленд, который еще меньше Вермонта, сделал еще больше. Город Нью-Йорк продолжает приготовления в огромном размере. На одном краю города устроен у нас лагерь для двух полков, три полка уже стоят лагерем в другом конце и еще два в третьем лагере. Устраивается четвертый лагерь. Кроме того, уже организован полк зуавов из нью-йоркской пожарной команды, и могу сказать без преувеличения, что в прибавок к 8 тысячам регулярной милиции города Нью-Йорка, уже отправившимся в Вашингтон, и семи полкам, стоящим лагерями в городе, уже сформировано еще по крайней мере 6 тысяч человек из одного города Нью-Йорка (говорю: «по крайней мере» потому, что с точностью, разумеется, нельзя знать числа), а между тем постоянно записываются новые волонтеры и организуются новые полки. Не менее усердны люди, которым нельзя идти в поход, и дамы. Под управлением знаменитейших нью-йоркских хирургов быстро формируется госпитальная часть армии. Множество комитетов энергически заботится о заготовлении платья, лекарств и других вещей для войска. Капиталисты, которым нельзя идти на войну, не уступают никому в патриотизме. Деньги льются реками на все надобности. Какой-нибудь полк должен только объявить, в чем у него недостаток, он тотчас снабжается всем. Дела по сбору и расходованию денег сосредоточиваются в «центральном комитете» приверженцев Союза; члены этого комитета — важнейшие нью-йоркские негодянты. Один из граждан, Эстор, уже пожертвовал 22 тысячи долларов; многие другие уже дали по 5, 10 и 15 тысяч. Каждый понимает, что война теперь за существование нации, и каждый готов жертвовать всем, чтобы не стерлась ни одна звезда с национального флага. Энергия, которой с самого начала охарактеризовались действия нью-йоркских негодянов, начинает обнаруживать свое действие в Вашингтоне, и я не боюсь предсказать, что уже не будут теперь сжигаемы корабли для спасения их от захвата инсургентами. Правительство наняло все или почти все американские пароходы, бывшие в Нью-Йорке, чтобы употребить их на военные действия или на перевозку войск. Нью-Джерси извещает, что все

* То есть о двух массачусетских милиционерах, убитых в Бальтиморе.

четыре полка его контингента уже готовы. Войска из глубины нью-йоркского штата также готовы. Один город Нью-Йорк предлагает больше войск, чем требовалось от целого Нью-Йоркского штата. Впрочем, они еще пригласятся, потому что президент скоро сделает новый призыв. Пенсильвания, от которой требуется 20 тысяч войска, уже предлагает 30 тысяч. По известиям с Запада, дело там идет живо. Огайо, Индиана, Иллинойс предложат больше войск, чем требуется от них. Говорят, что эти войска будут оставлены на Западе. Часть их, конечно, будет назначена для обороны Каира, при впадении реки Огайо в Миссисипи. Я пишу вам наскоро, чтобы не опоздать на почту, и успел указать лишь главные факты. О Юге мы, разумеется, мало имеем достоверных сведений. Инсургенты хотели занять своими войсками Балтимор и надеялись, что города Филадельфия и Нью-Йорк станут на их стороне. От неожиданного единодушия Севера и быстроты, с какой нью-йоркские войска поспешили на призыв правительства, план этот разрушился, и линия реки Потамака * остается в руках правительства».

«Нью-Йорк, 30 апреля.

Третьего дня «Herald» напечатал список сумм, пожертвованных на Севере для ведения войны, кроме огромных пожертвований, сделанных в пользу того или другого полка и с тому подобными частными назначениями. Огромность этой суммы удивит каждого, думавшего, что обнаружатся на Севере разногласия, как начнется война. Итог безусловных пожертвований по списку «Herald'a» 11 239 000 долларов (более 15 миллионов рублей серебром) **.

Достоинна внимания та народная организация, содействием которой собрано это огромное количество денег и приняты чрезвычайные меры для ведения войны. Мало представляет история учреждений, равняющихся этой организации бодростью и успешностью действий. Прошло только две недели с тех пор, как президент провозгласил военное положение. Два дня после того было употреблено, чтобы распределить, сколько от какого штата требуется войск; потом произошли беспорядки в Балтиморе, и пять дней народ северных штатов был отрезан от всяких сношений с своим правительством. А между тем, несмотря на все эти препятствия, было, кроме войск, отправленных другими штатами, послано от 10 до 12 тысяч войска из города Нью-Йорка, и все они были уже вполне вооружены и приготовлены к делу, а больше чем половина этих людей еще и не была внесена в списки дней за 10 перед тем, а за две недели перед тем все эти люди мирно занимались своими делами. Войска, находящиеся теперь в Вашингтоне, должны были бороться с затруднениями, которые были бы тяжелы и для старых солдат. Одному полку пришлось пробиваться через балтиморскую чернь.

Знаменитый 7-й нью-йоркский полк (в котором все рядовые — джентльмены) шел из Аннаполиса в Вашингтон, поправляя полотно железной дороги, испорченное сецессионистами, а полк, составленный из доэльских машинных работников, чинил между тем машины и поправлял мосты. Денег собирается больше, чем пока нужно, и уже заготовлены большие запасы их на будущие надобности. Снабжен гарнизоном форт Монро и отправлен в Европу агент для закупки оружия. Исполнительная власть, которая сделала все это, устроилась таким образом: при первом известии о взятии форта Сёмтера, нью-йоркские граждане, действуя через новую торговую палату, назначили комитет «для защиты Союза» ***. Городское

* На которой стоит Вашингтон.

** Мы от себя заметим, что, по словам самого «Herald'a», этот список пожертвований не полон и относительно тех штатов, которые вошли в него; а вошли в него далеко не все северные штаты: из западных штатов «Herald» имел сведения о пожертвованиях почти только в одном Уисконсине. Таким образом, лишь в одной половине северных штатов в течение каких-нибудь 10 дней пожертвования простирались более чем до 15 миллионов рублей серебром.

*** В одном из переделанных нами писем уже было рассказано о митинге негоциантов, назначившем этот комитет.

управление признало комитет и назначило в его распоряжение миллион долларов. Правительство Соединенных Штатов действует по согласию с этим комитетом, так что комитет и правительство взаимно сообщают друг другу о всех своих расходах и распоряжениях. Таким образом, правительство в критическую минуту пользуется содействием лиц, замечательных дарованиями в практическом ведении дел. Мне кажется, что без такого комитета правительство было бы парализовано, — по крайней мере, много было бы надобно ему времени, чтобы дойти до нынешней здоровой энергии в сесссионной атмосфере Вашингтона.

Теперь комитет занят распоряжениями по отправке 75 000 войск, которые должны идти через Нью-Йорк. Но он нашел время хлопотать об учреждении подобных организаций в других штатах, городах и деревнях. Он думает, что подобный комитет должен устроиться в каждом округе и городе свободных штатов, чтобы содействовать центральному комитету. Нью-Йорк по своему положению и богатству во всю войну должен остаться центром всех исполнительных мер, и как увеличилась сила свободных штатов от этого комитета! Результат уже заметен в том, что мериландские сепсисонисты поколебались, а кентуккийские и виргинские встревожены. Прискорбна будет неизбежная участь пограничных невольнических штатов, если они будут продолжать противиться правительству. Мериленд уже падает духом. Его законодательное собрание не вотирует отпадение Союза, а частные письма из Балтимора уверяют нас, что он будет держать себя смиренно. Виргиния захотела соединить свою судьбу с отложившимися штатами, но испуганный силой правительства губернатор ее говорит, что не имеет мысли нападать на вашингтонское правительство. Оно, наконец, стало единодушно в решимости вести войну энергически. Я прямо от высших его членов знаю, что оно «пойдет впереди народа». Все мысли об уступках брошены. Члены правительства просили меня уверить вас, что дадут мир лишь тогда, когда отберут от инсургентов все захваченные ими крепости, деньги и корабли Соединенных Штатов и восстановят власть вашингтонского правительства над всем Союзом.

Из войск, собираемых по первой прокламации президента, 18 тысяч уже в Вашингтоне, 5 тысяч в Аннаполисе*, 4 тысячи едут через Мериленд из Пенсильвании, а 2 тысячи вчера отплыли из Нью-Йорка морем. Таким образом, послезавтра к вечеру генерал Скотт⁶ будет иметь в Вашингтоне около 30 тысяч войск. Из них 5 тысяч будут стоять в Аннаполисе, который будет укреплен, и вся линия железной дороги из Аннаполиса в Вашингтон будет занята войсками. Если Балтимор не покорится мирно, он будет усмирен военными средствами, потому что для похода на Юг необходимо владеть этим городом, где производится большая торговля хлебом и существуют машинные фабрики; инсургенты получали из Балтимора продовольствие, пушки и артиллерийские снаряды. Президент призвал еще 75 тысяч войска, так что теперь созывается 150 тысяч с прежними 75 тысячами. Генерал Вул, командующий в Нью-Йоркском штате, говорит, что, если нужно, будет и вдвое больше войска. Кроме войск, уже отправленных, в одном городе Нью-Йорке формируется еще 19 полков; они почти уже готовы к походу. Один из них, называющийся «Горным-Шотландским», весь составлен из шотландцев или их детей, ролившихся в Америке. Ныне я видел этот полк на ученьи; он очень хорош. Есть у нас немецкие полки, отличный французский полк и английский полк. Привязанностью к союзному правительству переселенцы не уступают природным американцам. Из полков, отправлявшихся вчера, особенно замечателен Пожарный-Зуваский полк, составленный из отборных людей нью-йоркской пожарной команды: по атлетической силе солдат нет, я думаю, в армиях целого мира такого полка: каждый в нем богатырь испытанного мужества. Вся пожарная команда нью-йоркская собралась вчера провожать товарищей на пароход, и, если бы я

* Ближайшая к Вашингтону гавань, в которой высаживаются войска, отправляемые из Нью-Йорка на Юг морем. Аннаполис лежит в Мериленде.

думал, что вы не утомлены моими рассказами о прежних демонстрациях, я описал бы вам эту, которая многочисленностью и блеском превосходила все прежние. Из глубины Нью-Йоркского штата сообщают, что сельское население также взволновано и войска его сходятся в Эльмире*. Войска штата Огайо собираются под командой генерала Мак-Клелленда⁷, искусство которого генерал Скотт ценит чрезвычайно высоко. В Огайо явилось волонтеров слишком вдвое больше, чем требовалось. Пенсильвания в течение полутора месяцев пошлет в поход 50 тысяч войска, превосходно вооруженного; многие полки вооружены штуцерами Минье⁸ и энфильдскими; под командою генерала Паттерсона они первые двинутся в отложившиеся штаты.

Что делается на Юге, — разумеется, я не могу рассказать вам в точности. Здесь полагают, что сецесснистская горячка охладевает в Георгии, Алабаме и Луизиане, а в Северной Каролине, Теннесси и Виргинии она свирепствует. Кажется, что сильные лекарства, приложенные к Мериланду, уже излечили его. Здесь надеются, что ни Кентукки, ни Миссури не будут заражены болезнью. Если же заразятся, то задача правительства несколько затруднится, но конец будет таков же».

Известия, помещаемые в «Times'e», получают здесь несколькими днями позже, чем сообщаемые немецкими газетами; в номерах «Times'a», находящихся у нас, нью-йоркская корреспонденция доходит только до 30 апреля, а в газетах, издаваемых ближе к нам, есть уже письма более позднего времени. Потому продолжаем рассказ «Times'a» следующим письмом нью-йоркского корреспондента газеты «National-Zeitung». Оно отправлено из Америки 13 мая, то есть двумя неделями позднее последнего из приведенных нами писем «Times'a»:

«Приготовления к великой битве, которая должна решить судьбу американского континента, все еще не кончены. Главнокомандующий войсками Союза, Скотт, думает, что союзное правительство непременно должно одержать победу в первой же битве, чтобы война не затянулась. Потому он двинется вперед лишь тогда, когда будет иметь громадный перевес в силах. Говорят, он хочет выступить не меньше, как с армией в 50 тысяч и с резервом такой же силы. Впрочем, ждать этого времени недолго. Около Вашингтона собралось уже 30 тысяч войска; между Вашингтоном и Пенсильванией еще от 15 до 20 тысяч. Виргинские гавани уже совершенно блокированы; уже блокируются и некоторые из более южных гаваней, например, Чарльстонская и Саванская. Провоз оружия и провианта в возмущившиеся штаты по сухому пути успешно прекращен. Суммы, добровольно пожертвованные (то есть подаренные, а не данные взаймы) корпорациями и частными лицами в течение одного месяца, простираются почти до 30 млн. долларов (около 40 млн. р. сер.). Размер этих пожертвований на войну покажется еще громаднее, если сообразить, каким ужасным убыткам подверглись свободные штаты от бесстыдного банкротства возмущившихся штатов. Как все восстание с самого начала было основано на грабеже, воровстве и обмане, так оно теперь логически дошло до отказа от всех частных долгов. Губернаторы возмущившихся штатов объявляют публично в своих прокламациях, как непреложный принцип международного (вероятно, центрально-африканского) права, что при войне между двумя странами все частные долги жителей одной страны жителям другой уничтожаются. Этого мало; наме-

* Эльмира лежит в середине линии, составляющей южную границу Нью-Йоркского штата; в этом городе сходятся железные дороги, перерезывающие Нью-Йоркский штат и продолжающиеся на Юг непрерывною линиею через Пенсильванию и Мериланд до самого Вашингтона.

кается даже, что если южный должник платит долг северному кредитору, он совершит этим акт предательства и будет наказан, как изменник. Потери, понесенные через то негоциантами северных штатов, простираются до 100 милл. долларов.

Да и вообще «образец наивысшей цивилизации», как называет себя Юг, отличается прекрасными вещами. В поощрение благородным крейсерам монтгомериийский конгресс назначил 20 долларов премии за убийство каждого лица, захваченного на военном корабле Соединенных Штатов, и 25 долларов за доставление живого пленника. Разница в 5 долларов установлена не из гуманности, — над такими слабостями возвысились американские дагемейцы, — а для того, чтобы пользоваться живыми пленниками, как заложниками... А быть может и то, что по африканскому международному праву пленников хотят продавать в рабы. Не смейтесь, дело это не совсем невероятное. Несколько недель тому назад крейсера инсургентов захватили транспортный пароход союзного правительства «Star of the West»; на нем находились три свободные негра (матрос, повар и боцман). Они были отправлены из Техаса вместе с другими военнопленными на север, но в Монтгомери, резиденции султана Джефферсона Девиса⁹, их отделили от товарищей, продали с публичного торга в рабы, и покупщики тотчас же увели их связанными на плантации. Они были свободные люди, военнопленные, которых, по условиям капитуляции, следовало возвратить на родину в северные штаты.

Когда ежедневно происходят подобные постыдные дела в этом пандемониуме*, называемом Конфедерированными Штатами, когда ежедневно совершаются насилия, грабежи и убийства подозрительных людей целыми тысячами, то разумеется, что на Севере энергические люди получают перевес над педантами. При известии, что инсургенты снаряжают крейсер, самые консервативные демократы на Севере стали думать, что на такую низость надобно отвечать возмущением негров. Но правительство еще отвергает мысль о таком возмездии. Уже в то время, когда инсургенты шли на Вашингтон, вашингтонская полиция выдала в Виргинию беглого невольника. В Канаде, Филадельфии и Бостоне формировалось из негров столько батальонов, что из них составила бы целая бригада; они предлагали правительству свои услуги, которые состояли бы преимущественно в призыве южных негров к оружию. Но правительство с глубоким нравственным ужасом отвергло такое предложение, — отвергло в тот самый день, когда было обнаружено, что инсургенты в Мериланде пытались отравить целый батальон союзных войск подмесью стрихнина в пищу. Удивительно ли, что на Юге привыкли считать северных людей малодушными трусами, не способными к сильным страстям и энергическим делам, «золотушной сволочью», как теперь выражаются южные газеты.

Миссури — невольнический штат, но «золотушная сволочь» выказала там энергию. В Сент-Луисе немцы сформировали из себя шеститысячное войско, и оно взяло в плен толпу инсургентов в числе 800 человек, занимавших важнейший пункт города в сообщничестве с губернатором Миссури, сепсессионистом. Немцы окружили 10 мая лагерь инсургентов, поставили против них 4 батареи и потребовали безусловной сдачи от своих противников. Разумеется, инсургенты сдались, были обезоружены и арестованы. Партизаны их из горожан напали потом на немцев, но немцы открыли по нападающим огонь, и человек 20 сепсессионистов было тут убито. На другой день слабый отряд этой немецкой армии подвергся внезапному нападению и потерял 4 человека убитыми, но столько же убитых и много раненых было у нападавших».

Автор этого письма, как видно, очень горячий аболиционист, недовольный умеренностью правительства. Значит, он — свиде-

* Пандемониум — царство сатаны. (Ред.)

тель пристрастный, и мы поступили бы несправедливо, если бы «не выслушали и другую сторону». А вот мы послушаем ее; сначала через посредство человека постороннего и умеренного, чтобы переход не был чрезмерно резок, а потом представим уже настроенному несколько в пользу Юга читателю мнение самого президента южной конфедерации.

Когда оказалось, что разрыв Юга с Севером нешуточный, «Times» отправил особенного корреспондента в отделившиеся штаты; так обыкновенно поступает эта газета, как только где происходит что-нибудь особенное: «специальный» корреспондент отправляется в эту местность. Первые письма отправившегося на Юг корреспондента заключали в себе рассказ о взятии форта Сёмтера и т. п. Во всем этом не было ничего важного. Военные действия под фортом были сами по себе ничтожны, вся сила их состоит во впечатлении, какое произвели они на Север, а не в них самих. Но следующее письмо уже относится к сущности дела:

«Штат Южная Каролина, 30 апреля.

Все иное, что я мог бы сказать, не важно перед одним фактом, в котором я принужден убедиться относительно мыслей, господствующих между джентльменами Южной Каролины. Я пробыл между ними уже довольно долго; посещал их плантации, они беседовали со мной откровенно в том открытом, любезном и изящном тоне, который составляет непреодолимую очаровательность их общества. От всех слышал я одно и то же, нет разногласия в этом мнении, оно с удивительной силой и одинаковостью слышится по всей стране. Тени Георга III, Норта, Джонсона и всех ратовавших против отпадения американских колоний от Англии — слышите ли вы хор, звучащий по Южной Каролине? Если слышите, вы рукоплещете с торжеством. Голос этот говорит: «если бы мы могли получить в короли себе какого-нибудь из английских принцев, мы были бы довольны». Прошу вас не сомневаться в этом. Мысль эта повторялась передо мною сотни раз. Они согласны в том, что исполниться их желанию трудно, но они искренно восхищаются монархическими учреждениями в английской форме, существованием привилегированных сословий, поземельной аристократии. Они жалуют, что некогда отложились от Англии и готовы были бы завтра же вернуться к ней. В них сильная привязанность к английскому устройству; многие из них находятся в родстве с английскими знатными фамилиями и смотрят с невообразимым отвращением на жителей Севера, который, по их мнению, неисцелимо заражен ядом «пуританства». Объясните как хотите, но это так. «Южная Каролина была основана джентльменами», говорят они мне, «а не фанатиками, которые принесли в северные колонии бешеную нетерпимость». — «Если бы потонул проклятый корабль, на котором ехали в Америку сектанты, основавшие Массачусетс, мы никогда не были бы доведены до такой крайности», говорит один. — «Мы еще могли бы ужиться с этими фанатиками, если бы они были джентльмены, но между ними нет джентльменов», говорит другой. — «Лучше, что хотите, восклицает третий: лучше, какая хотите форма правительства; но» — тут следует площадное ругательство — «но ни за что на свете мы не покоримся Союзу с невежественными, с негодными ханжами Новой Англии, не понимающими и не уважающими джентльменских чувств. Лучше мы готовы умереть все до одного». Вообразите, что подобные тирады произносятся людьми светскими, благовоспитанными, очень ценящими светскую деликатность, и вы несколько поймете силу ненависти к свободным штатам в джентльменах южных штатов. В Европе есть национальные антипатии, довольно сильные и упорные.

Ненависть итальянца к австрийцу, грека к турку, турка к русскому — не слишком холодное чувство. Но все эти ненависти — просто равнодушие, нейтральность сравнительно с враждой южно-каролинских джентльменов к «северной сволочи».

Войны роялистов с пуританами при Карле I¹⁰, вандейцев с республиканцами были деликатными шутками по правилам утонченнейшего рыцарства сравнительно с тем, как будут воевать Юг и Север, если дела их будут соответствовать словам. Нет в темных углах человеческого сердца ничего столь жестокого и смертельного, как ненависть южно-каролинцев к янки. Ненависть эта росла много лет, и стала теперь жизнью их. Она заставила Южную Каролину упорно работать над приготовлением средств к борьбе. Я убежден, что некоторые в Южной Каролине имели этот глубокий замысел уже лет 30 тому назад и с каждым годом росла эта партия, хотевшая разорвать союз при первом удобном случае. Север для Южной Каролины — страна испорченная, двусмысленная; Новая Англия — воплощение нравственной и политической гнусности. Она — источник всего ненавистного южным каролинцам: свободы мысли и аболиционизма, страна бесчестная, развратная, желающая разграбить Юг; но он будет спасен Южной Каролиной. Джентльмены Южной Каролины помнят, что они произошли от тех английских джентльменов, которых преследовали при Кромвеле, — не предки, эта сволочь не имеет предков, — а тогдашние представители людей, населяющих теперь Север. Южный джентльмен гордится своею старинною фамилиею, родословною связью с фамилиями английских аристократов. Его плантация — древнее пожалование его предку от короля; он с восхищением вспоминает, что когда Стюарты были выгнаны из Англии, Южная Каролина избрала изгнанного Карла своим королем, предложила ему убежище и престол. В войну за независимость половина плантаторов, если не больше, оставались приверженцами Георга III, и Вашингтон должен был послать против них армию.

Читатель видит, что дело именно таково, как мы говорили месяца три или четыре тому назад. Вражда Юга к Северу — словесная вражда, ненависть патрициев к темным плебейам, вражда высшего сословия к республиканскому устройству. Южным джентльменам хочется быть придворными.

Беспристрастный читатель согласится, что ошибаются те легкомысленные писатели, которые безусловно порицают Юг, он, может быть, убедился теперь, что хороший образ мыслей имеют южные штаты. Оно и действительно, надобно только прочитать некоторые отрывки из длинного послания президента южной конфедерации к ее законодательному собранию, чтобы не осталось в этом никакого сомнения. Мы говорим: «некоторые отрывки», потому что послание имеет, к сожалению, и слабые стороны: но мы не будем выставлять их.

Джефферсон Девис говорит, что должен изложить ход событий, «чтобы человечество могло произнестъ основательный и беспристрастный суд о причинах и целях настоящей войны». Чтобы содействовать по мере сил наших этой прекрасной цели, мы приведем важнейшие места из очерка дел, представляемого самим Девисом.

«Как только северные штаты, уничтожившие в своих пределах невольничество (говорит президент южной конфедерации), увеличились в своем населении столько, что их представители получили перевес на конгрессе, они

приняли постоянную и организованную систему враждебных мер против прав рабовладельцев в южных штатах. Непрерывный ряд мер, ими принимаемых, клонился к тому, чтобы поколебать права рабовладельцев; фанатические общества, располагавшие деньгами, возбуждали недовольство между невольниками, доставляли им средства бежать и научали их этому; законное обязательство возвращать бежавших владельцам сначала было неисполняемо под разными предлогами, потом открыто объявлено нарушением долга совести и религиозных обязанностей; общества эти учили, что хорошо поступают люди, уклоняющиеся от исполнения и противящиеся исполнению законов, правильно изданных в обеспечение конституционного обязательства; против рабовладельцев собирался в северных штатах народ и даже убивал их, когда они являлись в северные штаты требовать выдачи беглого невольника» (когда же это были убиваемы рабовладельцы в северных штатах? этого что-то не было слышно; а что собирался народ и освистывал их, это так). «Догматы этих частных организаций получили господство в законодательных собраниях многих северных штатов, и были изданы в них законы, подвергавшие разорительным штрафам и продолжительному заключению тех граждан южных штатов, которые потребуют полицейского содействия к возвращению своих бежавших невольников» (но ведь когда полиция какого-нибудь северного города хотела выдать бежавшего невольника приехавшему за ним рабовладельцу, город волновался, происходила драка народа с полицией, словом сказать, рабовладелец своим требованием нарушал общественное спокойствие; зачем он делал это, когда ему предлагали денежное вознаграждение, лишь бы он не требовал выдачи беглого? Он хлопотал не из денежного расчета, а из наглости, чтобы доказать северным штатам их бессилие перед южными). «Ободренные успехом, они перенесли арену волнения и нападок на законные права южных штатов в конгресс; на общий совет нации посылались сенаторы и представители, главным правом которых на это отличие был дух крайнего фанатизма и заботою которых было не обеспечение внутреннего спокойствия, а пробуждение жесточайшей ненависти против южных согранных яростными нападками на их учреждения» (то есть на невольничество); «ведение общественных дел было замедляемо постоянными усилиями этих людей присвоить конгрессу незаконную власть, чтобы повредить прочности невольничества и поставить в низкое положение невольнические штаты. Наконец составила большая партия с целью приобрести себе правительственную власть в открытом намерении употребить ее на исключение невольнических штатов от всякого участия в землях, приобретенных всеми штатами вместе» (Девис говорит о программе республиканской партии, не хотевшей допускать невольничества в территориях, то есть его насильственного распространения на земли, население которых не хотело допускать его, как было, например, в Канзасе), «с целью совершенно окружить невольнические штаты свободными штатами и через это отнять цену у невольников. Эта партия в прошлом ноябре успела выбрать своего кандидата президентом Соединенных Штатов.

Между тем в благоразговорном климате южных штатов, при внушаемой расчетом и человеколюбием попечительности о благосостоянии рабников, число невольников от 600 тысяч, бывших при установлении конституции, возросло слишком до 4 000 000» (по цензу число их менее 4 милл.). «В нравственном и общественном отношении они возвышены были из грубых дикарей в послушных, умных и цивилизованных земледельческих работников и снабжаются не только материальными благами, но и заботливым религиозным обучением. Под наблюдением высшей расы труд их направлялся так, что давал возможность постепенно и чувствительно улучшать их положение и обращать сотни тысяч миль пустыни в возделанные земли, покрытые счастливым народом; возникали города и быстро возрастали богатством и населением под южными учреждениями» (например, в знаменитом любимом городе плантаторов Чарльстоне население, простиравшееся в 1850 году до 42 000, к 1860 году простиралось до 40 000; это значит, что

оно «быстро возросло»; точно так же возросло население во всех других южных городах, кроме тех, из которых невольники удалены; а в свободных штатах с 1850 к 1860 году население городов возросло вообще в полтора и два раза). «Продукты Юга — хлопчатая бумага, рис, сахар и табак, для которых был и остается необходим невольнический труд, возросли так, что составляют почти три четверти всего вывоза из Соединенных Штатов и сделались безусловно необходимыми для потребностей цивилизованного человека» (мы имели случай несколько раз говорить, как успешно экономическое производство невольнических штатов: вывоз товаров из них действительно велик, потому что они производят все свои товары исключительно на вывоз; но зато всей выручки за этот вывоз недостает южным штатам на уплату долгов северным штатам, из которых получают они не только все мануфактурные изделия, но даже обувь, даже хлеб. Жатва хлопчатой бумаги всегда бывает продана нью-йоркским купцам за год вперед; например, осенью 1860 года была уже продана жатва нынешнего года). «При опасности, угрожавшей интересам столь громадным, народ южных штатов был принужден поступками Севера предпринять что-нибудь для отвращения опасности. Он решил, что обиды, им понесенные, и бедствия, ему угрожающие, требуют, чтобы он отделился от Союза. Он вступил в новый союз и устроил новое правительство, опирающееся на его энтузиазм; и если бы не вмешалось правительство Соединенных Штатов в это законное дело, то стране нашей улыбались бы ныне мир, счастье и процветание».

После этого Девис очень подробно доказывает, что южная конфедерация не предпринимала и не хотела предпринимать никаких военных действий против союзного правительства. Эту часть документа мы не станем сообщать публике, потому что «суд человечества», к сожалению, не может подтвердить слов Девиса; южная конфедерация с самого начала составлялась с намерением послать войско в северные штаты, чтобы силою заставить их разрушить прежний Союз и составить новый Союз, из которого была бы исключена «фанатическая» Новая Англия: заговорщики надеялись, что нью-йоркские соумышленники их отдадут им в руки нью-йоркскую биржу; это не удалось, но заговорщики все-таки собрали войско и двинули его на Вашингтон; правительство Соединенных Штатов вынуждено было уже только этим нападением и бомбардированием форта Сёмтера принять военные меры против южной конфедерации; следовательно, тут факты, всем известные, обнаруживают некоторую [не]основательность уверений Девиса, будто бы южная конфедерация желала сохранить мир. Но мы переведем патетическое заключение документа, которое скорее может растрогать чувствительного читателя. Объяснив единодушие народа в отложившихся штатах, — эту тираду мы не переводим потому, что она опять разногласит с общеизвестным фактом; кроме одной Южной Каролины, во всех остальных отложившихся штатах сецессионисты составляют меньшинство, а большинство только военным терроризмом вынуждено подчиняться их господству, опирающемуся на шайки авантюристов, — итак, объяснив единодушие народа в южной конфедерации, президент ее кончает следующими патетическими словами:

«Народ, столь единодушный и твердый, не может отступить ни пред какими жертвами, какие бы ни потребовались от него, и разум не допускает сомнения в том, что мы, наконец, восторжествуем, как бы ни были продолжительны и тяжелы испытания, которым подвергнется наша решимость защищать наше прирожденное право свободы и равенства, как наследие, передать которое в ненарушимости нашему потомству — первый наш долг.

Мы чувствуем, что наше дело — правое и святое; мы торжественно protestуем перед лицом человечества, что желаем мира, не ищем ни завоеваний, ни уступок от штатов, в союзе с которыми мы прежде были; мы хотим только, чтобы нас оставили в покое, чтобы те, которым никогда не были мы подвластны, не пытались поработить нас оружием. Этого мы хотим, этому мы будем противиться до последней крайности. Когда эта претензия будет покинута ими, меч выпадет из нашей руки, и мы будем готовы вступить с ними в дружеские и торговые договоры, которые неизбежно будут полезны для обеих сторон. А пока эта претензия существует, мы с твердым упованием на божественную силу, облакающую своим покровительством правое дело, будем продолжать бороться за прирожденное наше право, за свободу, независимость и самоуправление».

После этих выписок нам нечего прибавлять от себя. Сделаем лишь самое короткое перечисление главных фактов. 12 апреля, когда началось бомбардирование форта Сёмтера (гарнизон которого, как знает читатель, имел всего 70 человек), южная конфедерация состояла из 7 штатов Мексиканского залива (Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техас). Все они вместе имеют (по цензу 1860 г.) около 2 650 000 белого населения и около 2 300 000 невольников. Когда Линкольн объявил войну, армия этих штатов, простиравшаяся тысяч до 20 или до 30, была уже недалеко от Вашингтона, куда пошла из Южной Каролины через Северную Каролину и Виргинию, а из Луизианы и Миссисипи через Теннесси и Виргинию, из Техаса через Арканзас и Теннесси. Таким образом, из 8 пограничных невольнических штатов, колебавшихся между вашингтонским и монтгомерийским правительством, 4 штата — Арканзас, Теннесси, Северная Каролина и Виргиния — были заняты войсками южной конфедерации; при объявлении войны приверженцы союза в этих четырех штатах, конечно, были подавлены военной силою и к южной конфедерации присоединилась еще огромная полоса земли, имеющая около 2 925 000 белого населения и 1 210 000 невольников. В остальных четырех невольнических штатах пропорция невольников уже гораздо меньше, чем в 11 отделившихся: при 3 690 000 белого населения Делавар, Мериленд, Кентукки и Миссури имеют только 440 000 невольников. Делавар остался верен правительству; значительная часть Мериленда также; северные половины Кентукки и Миссури населены людьми, имеющими ненависть к невольничеству и уже пославшими довольно много волонтеров в северную армию. Читатель видел, например, что в Сент-Луисе, важнейшем городе Миссури, составилось 6-тысячное войско из людей, враждебных невольничеству, и победило сепаратистов; а Сент-Луис лежит на Миссисипи, делящей Мис-

бури на две йочти равные половины; и притом в больших городах, каков Сент-Луис, сецессионисты особенно сильны по торговым связям этих городов с хлопчатобумажными штатами; приверженцам свободы в Миссури и Кентукки обещана помощь соседних свободных штатов Айовы, Иллинойса, Индианы; так что Кентукки и Миссури или разделятся пополам между враждебными лагерями, или сохранят нейтралитет. В Мериланде оставшая половина штата уже усмирена: Балтимор занят союзными войсками и вместе со своим округом объявлен в осадном положении; мериландские власти умоляют теперь о нейтралитете. Следовательно, четыре из пограничных штатов или будут иметь внутреннюю борьбу, или сохранят нейтралитет и во всяком случае не дадут большой прибавки сил ни той, ни другой стороне. Остальные 11 невольнических штатов (4 пограничных и 7 хлопчатобумажных) имеют около 5 500 000 белого населения, — вот весь источник военных сил для инсургентов. Население свободных штатов слишком втрое больше, оно превышает 18 миллионов человек. Итак, если даже не считать нравственного, денежного и технического перевеса Севера над Югом, борьба была бы слишком неравна, хотя бы в возмутившихся штатах все белое население было на стороне инсургентов или, по крайней мере, во всех частях этой территории принуждено к повиновению терроризмом инсургентов, как принуждено к тому в Южной Каролине. Но ни того, ни другого нет. Мы несколько раз говорили, что во всех возмутившихся штатах, кроме одной Южной Каролины, сецессионисты составляют меньшинство; а большинство белого населения ждет лишь случая, чтобы свергнуть с себя их иго. Этого мало: на обоих противоположных концах возмутившейся территории, — на северном краю ее (в западной части Виргинии) и на южном краю (в Техасе) часть населения, враждебная невольничеству, уже взялась за оружие, чтобы свергнуть насильственное господство сецессионистов. Западная Виргиния (за Аппалачскими горами) населена людьми, пришедшими с Севера; депутаты этой части штата, составляющей по пространству около 4-й доли его, а по населению, если не ошибаемся, около третьей доли, уже собрались и объявили, что будут воевать с партией, отделившею остальные части Виргинии от Союза. В Техасе противниками сецессионистов командует генерал Густон, губернатор штата, не согласившийся на отторжение штата, которое провозглашал техасский конвент. Густон знаменит своими подвигами в мексиканскую войну, и под его начальством был занят Техас американцами. Таким образом, около половины мая положение дел было следующее. Конфедерационные отряды, быстро двигавшиеся на взятие Вашингтона, остановились в нескольких десятках верст от него, потому что успела собраться там из северных штатов сила более многочисленная. Вашингтонское правительство скоро начнет, теперь быть

может и начало, наступательные действия. План похода хранится в глубочайшей тайне, но очевидно, что будет наступление по двум направлениям: с севера прямо на юг, из Вашингтона и мериландского приморья двинутся войска северо-восточных штатов — Пенсильвании, Нью-Йорка и Новой Англии; войска северо-западных штатов спустятся по Миссиссипи, также в направлении с севера на юг, в Арканзас и Луизиану, потом пойдут на восток; общее направление этих двух армий будет на Южную Каролину. По другому направлению будет действовать третья армия, составленная тоже из восточных войск: она отправится морем в Техас на помощь Густону. Это ясно. Но будут, кроме того, высадки с атлантического побережья в Виргинии или Северной Каролине, в Южной Каролине или в Георгии и Флориде. Какие пункты нападения будут выбраны тут, отгадать нельзя. Это общее наступление со всех сторон, с севера, с востока, с южного побережья, с запада и с северо-запада, начнется, как полагают, уже осенью, около октября, потому что летний зной в хлопчатобумажных штатах был бы обременителен для северных войск. До той поры театром военных действий будет только северный край восставшей территории — Восточная Виргиния и, быть может, Теннесси. Союзные войска очистят от отрядов южной конфедерации это пространство в течение лета.

Если инсургенты будут биться до последних сил, война кончится не очень скоро, — вероятно, не раньше следующей весны, потому что обширность захваченной инсургентами территории огромна: 11 штатов, составивших южную конфедерацию, занимают пространство более 35 000 кв. миль, то есть земля эта равняется величиной Пиренейскому полуострову с Францией, Германским Союзом и всеми прусскими и австрийскими владениями. Надобно несколько месяцев, чтобы армия могла дойти от Вашингтона до Чарльстона или от Синсинати до Нового Орлеана: каждый из этих путей составляет более 1 500 верст.

Но увидим ли мы отчаянную борьбу южных сецессионистов? Будут ли они, потеряв Виргинию, обороняться в Северной Каролине, потеряв ее, в Южной Каролине и в Георгии? Они уверяют в этом. Но может случиться иное: они могут упасть духом, смириться. В таком случае снисходительность снова появится на Севере, и решение вопроса будет отсрочено. Эта наименее благоприятная развязка очень правдоподобна, но и при ней нынешние события все-таки останутся не совершенно бесплодными.

Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить, когда виднее будет, чего надобно ждать, примирения ли, с некоторыми лишь уступками от плантаторов, или решительного конца с результатом в духе аболиционистов. А теперь надобно же сказать хоть несколько слов и о европейских делах, в которых все еще нет ничего решительного, все еще длится натянутое положение.

В Вене собрался имперский совет, на который присланы депу-

таты лишь от провинций, составляющих только половину империи по населению. Венгрия, Трансильвания, Кроакия, Истрия, Венеция не захотели участвовать в деле, принципу которого враждебны. Впрочем, это ни мало не мешает имперскому совету удовлетворительно исполнять свое предназначение, выражать сочувствие к правительству и обещать ему поддержку против венгров. Венгерский сейм, очевидно, выжидает обстоятельств и длит свои заседания, не предпринимая ничего решительного; каких обстоятельств он выжидает, мы уже говорили много раз. Венгры ведут переговоры с кроатами и сербами и, повидимому, не совсем безуспешно. Кроатский сейм протестует против венских распоряжений и уже начинает прямо говорить, что вернее кроатам полагаться на Пешт, чем на Вену. Кроме того, ведутся сношения с итальянцами, то есть с гарибальдийцами и маццинистами через посредство Кошута, Клапки и Тюрра, которые разъезжают по Италии и беспрестанно имеют совещания с решительными приверженцами итальянского единства. Кавур, конечно, чист от этих злоумышлений и по мере возможности мешает им. Он надеется, что в силах будет сдержать свое обещание: не допустить маццинистов и венгерских эмигрантов вторгнуться в Венецию и Венгрию. Очень может быть, что ему и удастся задержать их нынешним летом: весны прошло уже очень много, и ему удавалось; почему же не продлится такому успеху еще несколько месяцев? Он надеется, что французская армия передаст ему Рим. На исполнение этих хлопот меньше надежд. Переговоры между Парижем и Туринном о Риме ведутся, составляются разные планы соглашения, отчасти одобряются, почти совершенно одобряются, потом опять отвергаются, — обыкновенная история лавировки для выигрыша времени. Пересказывать эту историю мы не намерены, потому что сами не посвящаемся и никого не хотим посвящать в дипломатические тайны, которые, впрочем, можно прочитывать в каждой газете.

Затем, разумеется, все обстоит тихо, следовательно, благополучно.